

8

TET - A - TET

Москва (прим. к Аргументам и фактам). - 1995 - Эльдар Рязанов - человек, снб. (м 1-2) который перестал смеяться с. 8.

В 1987 году Эльдар РЯЗАНОВ дал "АиФ" интервью. Это было начало гласности - время надежд и обещаний. И вот через 7 лет мы решили вернуться к этому разговору. Сегодня Рязанов выглядит более замкнутым - тяжела, видно, ноша бессменного телеведущего, - скептическим, даже сердитым. В последние годы он ушел, по его словам, во "внутреннюю эмиграцию"...

- Семь лет назад за ваше безобидное интервью главному редактору "АиФ" пришлось вытерпеть град упреков. Из-за чего так ополчились на вас тогда военные?

- Это совершенно абсурдная история. У меня был творческий вечер. На нем выступал один мой друг и рассказал, что лучшее его воспоминание об армии - это время, когда он был денщиком. Ходил с лейтенанткой на рынок, пересказывал лейтенантским детишкам сказки, мультфильмы... Вот тут военные и взъелись. Оказывается, в армии нет денщиков, и мы выдали какую-то военную тайну!

- Вы часто, в том числе и на наших страницах, рассказывали о своих злключениях с цензорами. Но с тех пор, как цензуры не стало, не появлялось ли у вас желания вернуть ее?

- Я не ханжа, но нынешняя вседозволенность, конечно, может возмутить кого угодно. И подчас хочется крикнуть: "Цензуру! Цензуру!" Но я никогда этого не скажу. Потому что - цензор-то кто? Не пойдет же, например, Окуджава в главные цензоры. И значит, это будет чиновник, который станет брать взятки... Любое законотворчество, любая законодательная инициатива оборачивается здесь еще большим злом, чем то, против чего она направлена. Мы всегда идем своим путем.

- Думаете, народ сам выберет, что ему нужно?

- Я, может быть, покажусь скептиком, но не надо идеализировать ни наше время, ни наш народ. Народ у нас темный, злой, не понимающий, что хорошо, что плохо. Говорят, такими нас сделал социализм. Но социализм только добавил. При Петре I, когда социализмом еще и не пахло, купец русский, вспомните, своему воюющему царю пытался всучить сырой порох! Вот это народ! А русский фольклор? Ведь это же садисты сочиняли, кровожадные! А поговорка "Москва слезам не верит"? Какой безжалостный город, он не верит даже слезам! А с какой легкостью этот народ отрекся от своей веры - сбрасывал кресты, расстреливал священников? И так же неистово стал служить новому богу. Поэтому представление, что народ у нас душевный, народ святой - это огромное преувеличение! Воспитывать этих людей - многовековая и неблагодарная задача, которая выпала на долю людей культуры. Наш удел - чувства добрые лирой пробуждать, не надеясь, что скажут спасибо. Потому что нашему народу это попросту не придет в голову.

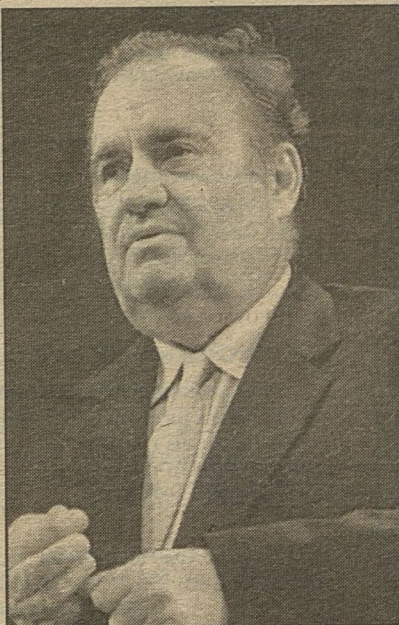
- Семь лет назад вы говорили: "Политики теперь заменили сатириков"...

- Все вернулось на круги своя. Политики (очень многие) скурвились. Извините, не хочу ругаться, но не знаю, как сказать по-другому. Конечно, я по эту сторону

баррикад, с демократами, но только потому, что это меньше зло... И я решил для себя: "Фиг с ними со всеми, я буду жить своей жизнью." Так что сейчас я нахожусь во внутренней эмиграции - так бы я это назвал. Не смотрю новостей, не читаю газет. Просто хочу сохранить живой душу.

- И чувство юмора знаменитому комедиографу не помогает?

- Когда чувствуешь себя в дерьме, как и все тут, это не побуждает ни к сатире, ни к смеху. Это только раздражает...

- Поэтому вы сначала сняли "Небеса обетованные" - довольно мрачную комедию, а потом и вовсе печальное "Предсказание"?

- Ну это слишком примитивно! "Предсказание" - это "Ирония судьбы..." наших дней. Тоже лирическая история. Только тогда это происходило на фоне одних реалий, а теперь реалии изменились. Теперь рэкетеры, стрельба, надо убежать, прятаться...

- Когда появился "Тараж", он воспринимался как своеобразная модель того общества. Насколько оно изменилось - не внешне, а по большому счету?

- "Тараж" и задумывался как модель. И если вы пересмотрите его сейчас, то поразитесь, насколько придуманное нами тогда соответствует тому, что творится сейчас. Возьмите персонажей: директор рынка остался, преуспевающий ветеринар, которого играл Гафт, - таких сколько угодно. Ну замените директора института директором какого-нибудь АО. А герой Костюковского пусть будет сыном банкира. Все остальное осталось прежним.

- В "Неподведенных итогах" вы признавались, что на реальном собрании, ставшем прототипом "Таража", вели себя как персонаж Маркова - то есть предпочли отмолчаться. Трудно представить, что такой задиристый режиссер в жизни был тихоней...

- Я всегда был "социально

пассивным". Никогда не занимался общественной работой. Мне казалось, ею занимаются либо из какого-то корыстного интереса, либо компенсируя отсутствие таланта. Для меня главным было иметь возможность снимать. В остальном я предпочитал, так сказать, пассивное сопротивление. То есть просто не делал того, чего не хотел.

- И все же, кажется, прежнее время было гораздо активнее нынешнего. Сегодня политики всем уже наскучили, но и сатирики, похоже, перевелись?

- Сатирикам раньше было легче. Теперь враг слишком многолик. И публика разнороднее. У нас происходит то, что давно произошло во всех странах. Сатирик там никогда не мог быть всенародным героем. Там есть законы, парламентская система. А у нас, наоборот, политик никогда не был властителем дум. Наши люди тянулись к писателям, певцам, художникам - они были нам защитой и отдушиной.

- Социализм, выходит, самый сатирический строй?

- Можно сказать. Хотя и сейчас существует множество вещей, которые надо высмеивать. Например, разве не кажется вам, что наши нувориши комичны? Но я думаю, кризис жанра связан еще и с тем, что должны появиться новые люди в искусстве. Старым это уже тяжело. Когда все перевернулось, они оказались как бы во главе этого государства. Тот же, прежде опальный, Жванецкий. Они - как бы часть новой власти, обласканы ею. А для сатиры надо быть в оппозиции.

- И вы по той же причине практически распрощались с комедией?

- Есть два способа снимать комедии. Можно делать что-то абстрактно смешное. Например, хохмить вокруг каких-то психологических или сексуальных качеств. Но представьте, что я начну сейчас снимать комедию про то, как, скажем, лесбиянка полюбила наркомана... У нас это может быть адресовано только каким-нибудь сексуальным меньшинствам. Здесь, если ты сделаешь аполитичную картину, подумают, что ты глухой. Наше искусство всегда было ангажировано гражданственностью - начиная с XIX века. Значит делать что-то можно только на острие времени. Но время летит так, что, пока соберешься - глядь, все уже перевернулось. Не потому что я такой неповоротливый, а потому что картины снимаются годами. И когда думаешь, что на это нужно положить жизнь, а притом неизвестно, доковыляешь ли до конца или раньше помрешь - тут здравый смысл немолодого, опытного человека начинает брать верх.

Беседовал Олег ГОРЯЧЕВ
Фото Бориса Кремера

160